
МУРЗИЛКА
№1
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
МЛАДШИХ КЛАССОВ
ЯНВАРЬ
1952

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

Холод градусов под сорок
В этот день стоял.
Первоклассников у Горок
Ленин повстречал.

Холод жёг ребятам уши,
Брови побелил.
— Что, замёрзли? — улыбнувшись,
Ленин их спросил.

— Не замёрзли! — Ветер шалый
Дул издалека.
— Провожу я вас, пожалуй,
До того мостка.

Промелькнул за разговором
Быстрый путь прямой.
И пора по уговору
Ильичу домой.

Но, взглянувши на дорогу,
Ленин говорит:
— Провожу ещё немного —
Вон до тех ракит.

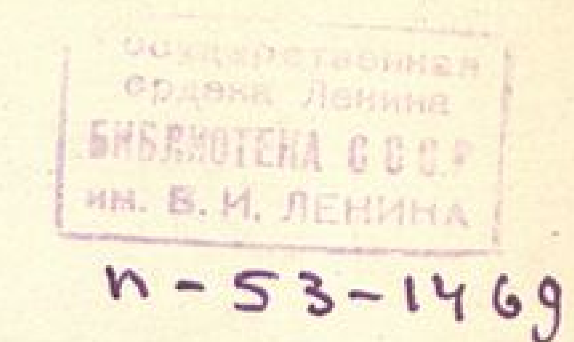
Было весело ребятам
Вместе с Ильичём,
Но уже ракиты рядом
Встали над плечом.

Приуныли сразу дети,
А Ильич, смеясь,
Сделал вид, что не заметил
Он ракит сейчас.

Шёл счастливый и весёлый
И в пути шутил.
Так ребят до самой школы
Ленин проводил.

А. КОНОНОВ

Рис. К. КАЩЕЕВА

ЁЛКА В СОКОЛЬНИКАХ

За ёлкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покудрявее, срубили и привезли в лесную школу.

Ребята видели, как прибили ёлку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтёр Володя провёл проволоку для освещения ёлки и подвесил к веткам электрические лампочки.

На следующий день, чуть не с самого утра, стали ждать Владимира Ильича Ленина. Ещё светло было на дворе, а ребята то и дело спрашивали школьного завхоза:

— А что, если Ленин не приедет?

— А если метель опять будет, Ленин приедет всё-таки или нет?

Завхозом был старый петроградский рабочий. Он знал Ленина ещё до революции. Потому-то именно его и спрашивали. И он отвечал уверенно:

— Раз Ильич сказал, что приедет, значит приедет.

Наступил вечер. Метель и в самом деле поднялась. Засвистел в соснах ветер, сухой снег закружился по земле белыми змейками. А потом с неба повалили белые хлопья.

Ёлка была уже убрана. Все игрушки делали сами ребята. Тут были и медведи, и зайцы, и слоны. А лучше всех был румяный дед Мороз с белой бородой; сидел он на ёлке — на самой верхушке.

Время шло, а Ленина всё не было.

И тут ребята услыхали, как кто-то из больших сказал вполголоса:

— Ну, в такую метель, конечно, не приедет.

Ребята опять побежали к старому завхозу. Завхоз сказал строго:

— Не приставайте! Говорю: раз он сказал, что приедет, значит приедет.

Стали опять ждать. На дворе ветер свистит, сухой снег звонко бьёт в стёкла окошек. Так за этим шумом и не слышно было, как подъехала к школе машина. Из машины вышел Владимир Ильич.

Он поднялся по лестнице, разделся, вытер платком мокрое от растаявшего снега лицо. И сейчас же пошёл в большую комнату, к ребятам.

Те сразу его узнали: сколько раз они видели портрет Ленина! Но почему-то растерялись сперва — стояли, не двигаясь с места. Глядели на Ленина и молчали.

Владимир Ильич ждать долго не стал. Он хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки умеет играть?

Первой ответила самая большая девочка Вера:

— Я!

— И я! — закричал громко мальчик Лёша.

— Ну, тогда тебе и быть кошкой, — сказал Владимир Ильич.

Ребята стали в круг. А ёлка посредине. Мышкой назначили маленькую Катю. Лёша кинулся за Катей — её легко было поймать. Но она ухватилась за Ленина. И Владимир Ильич поднял её высоко на руки:

— Не достать кошке мышку!

Потом мышкой был Сеня. Лёша поймал его, схватил и стал мышкой, а Сеня — кошкой.

Играли долго, и всем стало жарко.

Тут открылась дверь, и в комнату вошёл большой серый слон. Ребята завизжали хором. Правда, многие из них сразу разглядели знакомый серый чехол от школьного рояля. Но кто под чехлом? Чехол медленно раскачивался, впереди шевелился длинный хобот; передние ноги слона были обуты в валенки, а задние — в ботинки. Если не придираться, это было очень похоже на настоящего слона. Слон, похрюкивая, прошёл вокруг ёлки, помахал на прощанье хоботом и опять вразвалку зашагал к двери. А за дверью из-под чехла вылезли монтёр Володя и школьный сторож; оба были мастера на разные выдумки. Вылезли они из-под чехла и вернулись в комнату. А там хохотали ребята, от этого хохота подпрыгивал дед Мороз на верхушке ёлки.

Много ещё весёлого было в тот вечер.

Кто-то из ребят крикнул:

— Теперь в жмурки! В жмурки!

Владимир Ильич вынул платок, завязал себе глаза.

Монтёр Володя скорей передвинул ёлку в самый угол, и в комнате стало просторно.

Ленин расставил руки и пошёл вперёд на цыпочках.

Ребята разбежались кто куда.

Потом стали подкрадываться к Владимиру Ильичу и кричать:

— Жарко!

А когда Владимир Ильич был совсем близко, ребята кричали ему:

— Обожжёшься!

А то присядут на корточках под самой рукой Ленина — он и не заденет, пройдёт мимо.

Тогда они начинают кричать:

— Холодно, замёрзнешь!

Ленин увидел, что все дети очень проворные, играют ловко и, видно, долго ему придётся ходить с завязанными глазами.

Тогда он притворился, что пойдёт вперёд, а сам мигом повернулся на носках и схватил первого попавшегося, кто был у него за спиной.

Ребята закричали, как полагалось:

— Узнай, узнай!

А пойманный смеялся и старался вырваться. Это был мальчик Сеня.

Владимир Ильич пощупал у него волосы, провёл пальцем по лбу, по щекам.

— Сеня!

Сене было и жалко, что он так попался, и приятно, что Ленин его запомнил.

Потом маленькая Катя читала стихи Пушкина, да сбилась. И заплакала.

Ленин стал её утешать.

Катя перестала плакать, вытерла платочком слёзы и сказала:

— Ленин, а ты не уезжай от нас! Так и живи тут.

Ленин засмеялся:

— Да я и так неподалёку живу.

Потом все принялись бегать вокруг ёлки. Маленькая Катя бежала рядом с Владимиром Ильичём. Он держал её за руку. У Ленина рука была большая, тёплая.

В это время Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, внесли в комнату большую корзину с подарками. Эти подарки привёз ребятам Ленин.

Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан. Катя получила куклу.

А Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал.

Вот какая была ёлка в Сокольниках в 1919 году.

ИЛЬИЧУ

Если б мы, Ильич,
могли сегодня
Сделать так,
чтоб ожил ты,
Ты б увидел
новостроек сотни,
Новые каналы
и мосты.
Ты б увидел,
что не только Волхов —
Нам покорен
полюс ледяной!
Что Москва теперь
стоит на Волге,
Как Ульяновск,
город твой родной!
Ты б увидел
краснощёких, свежих
Пионеров —
ленинских внучат.
Ты б увидел,
как в углах медвежьих
Ярко светит
«лампа Ильича»,
Как храним мы
землю и свободу,
То, что дал нам
первый твой декрет!
Как в Москву
избранники народа
На Верховный
съехались Совет!
И — от самой южной
магистрали
До холодных,
льдом покрытых вод —
Всем руководит
великий Сталин,
Продолжатель
дела твоего!

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

ТАНЯ

Вам быль поведаю, друзья,
В стихах я по привычке.
В Махач-Кала живёт семья
Аварца и кумычки.

Просторный дом их рад гостям,
Да вот одна кручина:
У Магомеда и Марьям
Ни дочки нет, ни сына.

А рядом русская семья
Весною поселилась.
И в той семье, светлей ручья,
Дочурка народилась.

Стояли тополи в строю,
Небес синели дали.
Татьяной девочку свою
Родители назвали.

* * *

Звезды вечерней лился свет.
Прибой ворчал медведем.
Пришли Марьям и Магомед
С подарками к соседям.

Сказали тихо, без прикрас,
Простые эти люди:
— Отныне дочкой и для нас
Танюша ваша будет.

* * *

Время движется вперёд.
Быстро девочка растёт.

И когда в кроватке летом
Таня села в первый раз,
Обе мамы всем об этом
Сообщили в тот же час.

Заалела мушмала,
Значит осень подошла.

Берег Каспия в тумане,
Травы жёлтые в росе.
Зубки режутся у Тани,
И об этом знают все.

Вот пешком под стол впервые
Удалось забраться ей.
И об этом все родные
Говорили восемь дней.

В эти дни пришёл январь,
И открылся календарь.

* * *

Проснувшись,
Таня заплела
Косички золотые.

Она жила, она росла,
Как девочки другие.

С друзьями шумными в лапту
Играла под окошком.
На сером ослике в саду
Каталась по дорожкам.

Она могла нарисовать
И розу и кувшинку.
Умела русскую плясать
И танцовать лезгинку.

К морскому берегу она
По тропочке спускалась,
И набежавшая волна
У ног её плескалась.

Насыпав в трубочку табак,
Усами скрыв улыбку,
Ей рассказал седой рыбак
Про золотую рыбку.

* * *

Берег Каспия в тумане.
Улетают птицы.
Скоро осень. Скоро станет
Таня ученицей.

Обе мамы к сентябрю
Купили ей по букварю.

А папы за неделю
До первых школьных дней
Купили два портфеля
И подарили ей.

* * *

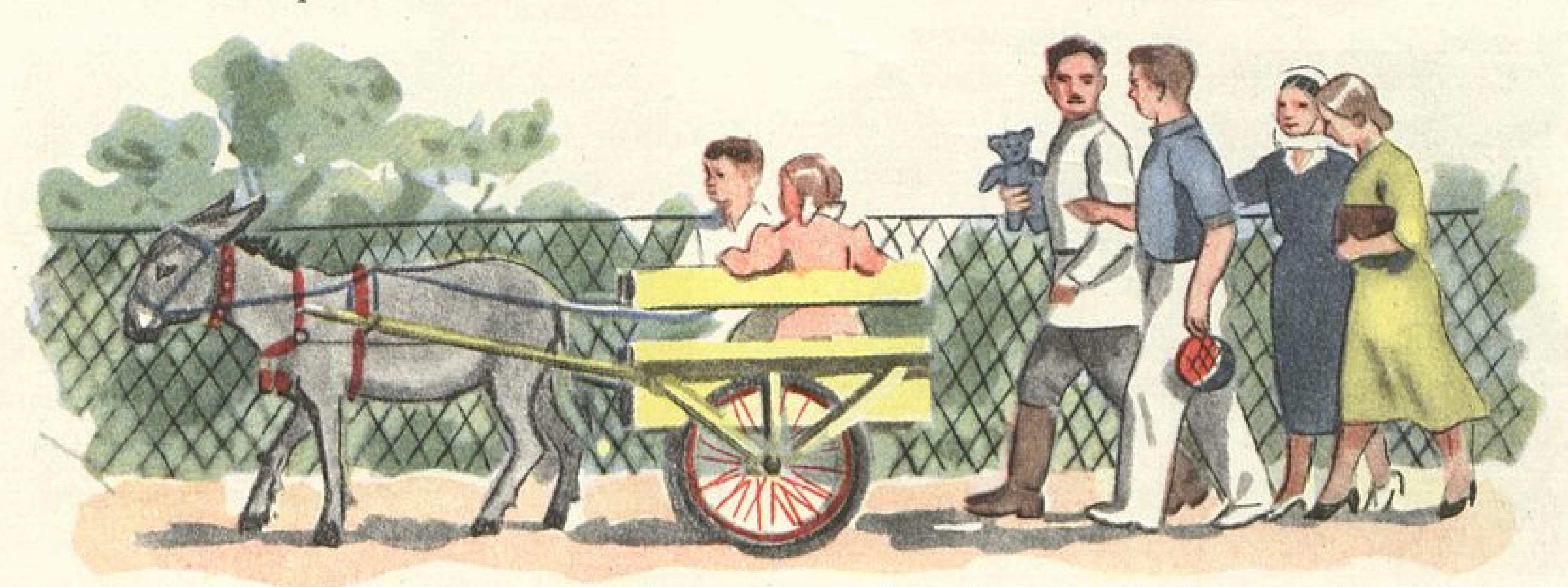
Осенний день весёлый,
Неповторимый час.
Идёт учиться в школу
Танюша в первый класс.

И к школьному порогу,
Вдоль клёнов и окон,
Родители с ней в ногу
Шагают с двух сторон.

И возле школы самой
Уже летят слова:
— У новенькой две мамы
И — гляньте — папы два!

И кто-то засмеялся,
Как майский ручеёк.
Но тут звонок раздался,
И начался урок.

Учительница встала
У грифельной доски

И ласково сказала:
— Счастливого начала,
Мои ученики!

* * *

Фартучек у Тани белоснежный.
Золотые с бантами косицы.
Девочка считается прилежной
И примерной в школе ученицей.

У неё тетрадки все наславу:
Кляксам в них и двойкам не забраться.
И её отметками по праву
Четверо родителей гордятся.

* * *

Вновь город солнышком согрет,
В горах ручьи запрыгали.
Увёз в аул свой Магомед
Танюшу на каникулы.

И жители аварского
Аула, в светлый час,
Её встречали ласково,
Как принято у нас.

Где небо синью красила
Предутренняя рань,
Она по скалам лазила,
Как маленькая лань.

Плела венки под кручею
У речки, в тишине.
Была скакать обучена
На вороном коне.

И с птицами, как равная,
Попеть была непрочь...
Все говорили:
— Славная
У Магомеда дочь!

* * *

Потом взяла её Марьям
В кумыкскую долину.
Вставала Таня по утрам
С побудкой петушиной.

Училась рыбкою в реке
Нырять и плавать смело.
И на кумыкском языке
Простые песни пела.

Легко взбиралась по стволам.
В лапту играла, в жмурки.
Все говорили:
— У Марьям
Хорошая дочурка!

* * *

Подруженьки вдоль сквера
Не на урок шагают.
Сегодня в пионеры
Танюшу принимают.

Пришёл директор школы.
С ним в зал вошли сияющий
Питомцы комсомола —
Старшие товарищи.

Торжественная в зале
Настала тишина.
С портрета смотрит Сталин
На Таню. И она
Волнуется немного,
Как все друзья кругом.
Широкая дорога
Синеет за окном.

Огнём пылает знамя,
Как доблести пример.
И произносит Таня:
— Я, юный пионер...

Звучат слова крылатые.
Сомкнулся строй тесней.
И, подойдя, вожатая
Вручила галстук ей.

ГЕОРГИЙ ГУЛИА Рис. А. КОКОРИНА

САДКО С ЖИГУЛЕЙ

СКАЗКА-БЫЛЬ

Плыл я как-то вверх по реке Волге. Когда город Куйбышев оказался далеко за кормой парохода, выросли перед нами две горы. Они стояли по обоим берегам строгие и, я бы даже сказал, немного горделивые. Называются эти горы Жигулёвскими воротами. А за «воротами», по правому берегу Волги, тоже горы. Это и есть знаменитые Жигули.

В этих самых Жигулях, недалеко от города Ставрополя, повстречал я Гришу Янина, сына бакенщика и рыбака Флегонта Янина. Гриша и есть наш жигулёвский Садко.

Вам, конечно, знаком новгородский Садко? А если незнаком, то попросите рассказать кого-нибудь из старших или прочтите сами былину о Садко. О нём говорится так:

«...Проснулся Садко, купец богатый
новгородский,
В океан-море, да на самом дне,
Увидел сквозь воду — печёт красно солнышко...».

Жигулёвский Садко был ростом невелик и годами мал: всего пять лет от роду.

А жил наш Гриша, словно Садко, — на самом дне морском. И когда он глядел на маковку высокой берёзы, то думал всегда о воде. И он говорил про себя: «А она, вода-то, повыше берёзки заплещется...»

А подводное царство, которое окружало Гришу, было удивительным: машины, машины, машины... Таких машин, разумеется, никогда не видывал сам сказочный Садко. Одна машина землю огромными ковшами захватывала и сбрасывала её в сторонку, подальше от себя. Другая машина размывала землю струями воды — словно из орудия била. Третья — бетон мешала, грузила его на автомобили...

Вокруг Гриши Янина были тысячи рабочих. Одни строили плотину — путь воде преграждали, другие возводили гидроэлектростанцию, третьи шлюзы устраивали. А через шлюзы эти будут итти корабли ко всем пяти морям: на Каспий, в Чёрное и Азовское моря, на Балтику и в Белое море, поплывут корабли в Москву и Ленинград, в Астрахань и Ростов-на-Дону...

На берегах Волги возводили железные мачты, а к ним подвешивали электрические провода. И уходили те мачты с проводами далеко-далеко — в Москву...

Вот какое оно было, подводное царство у Жигулёвских гор! И всё это видит Гриша Янин наяву, а не во сне...

А недалеко от Гриши, на Дубошной горе, вырастал город Портовый. Улицы словно по линейке вычерчены, пролегли среди приволжских лесов. Вдоль улиц стояли новенькие дома: штукатурка только-только просыхала, сосновые лесенки всё ещё пахли смолой. Это был новый, молодой, но уже достаточно большой город.

— А как же это под водой живёт Гриша Янин? — спросите вы удивлённо. — И как это рабочие строили под водою?

Верно, Гриша жил на морском дне, и всё это происходило на дне моря. Но дело

в том, друзья мои, что моря тут ещё не было. Его создавали люди, которые плотину возводили. Вот и выходит, что Гриша Янин на дне морском жил. А мечтал Гриша о том времени, когда поплывёт он на лодке над теми местами, где родился и рос...

— Гришутка, — говорил бакенщик своему сыну, — во все глаза гляди, всё запоминай — такого ещё никто сроду не видывал.

А Гриша спрашивал отца:

— Когда Волга разольётся морем, ты бакены зажигать будешь?

— А как же!—смеялся Флегонт Янин.— Без бакенов ни одна река не обходится. Бакен пароходам первый помощник. Бакен указывает, где мелко и где глубоко.

«Очень хорошо, — говорил про себя Гриша, — а то без бакенов очень скучно».

— А где же мы жить будем? — спрашивал Гриша.

Отец указывал ему рукой на гору.

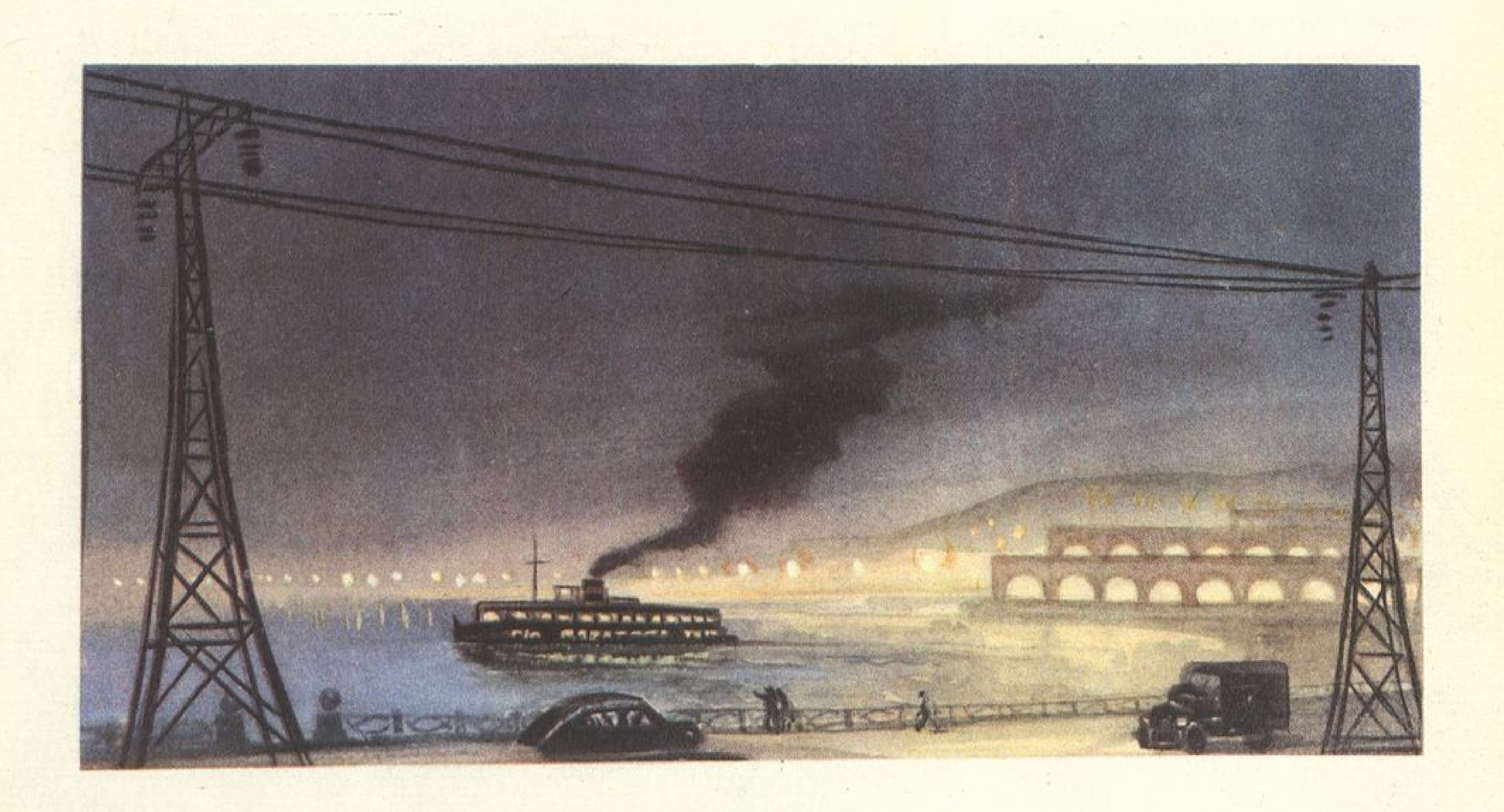
— Видишь? Дубошная гора. Там, у самого берега, будет и наш дом.

Приятно было Грише: и дом будет новый, и стоять он будет, как и старый, на самом берегу Волги...

Незаметно прошло время. Куйбышевская плотина была возведена, и разлилась преграждённая Волга по широким просторам — целое море образовалось. Закрутились на Волге турбины гидростанции, и пошли по Волге пароходы вверх и вниз, ко всем пяти морям: на Каспий и в Чёрное и Азовское моря, на Балтику и в Белое море...

Плыл я однажды из холодного Белого моря к Чёрному, тёплому. И снова повстречал Гришу Янина.

Наш Садко уже переехал со дна морского на берег, в портовый город. И часто вечерами плавает Гриша по морским волнам на виду у Жигулёвских гор, когда на Волге зажигаются бакены и светит, словно солнце, великая гидроэлектростанция у Могутовой горы. И плывёт тогда по волнам не сказочный, а настоящий, не выдуманный, а живой, загорелый, вихрастый Садко с Жигулей.

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

В воскресенье утром Серёжа зашёл к Мите. На-днях в школе выпускался новогодний номер стенной газеты, и приятелям поручили написать статью «В зимнем лесу»: как живут зимою лесные обитатели, чем кормятся и как спасаются от холода и от врагов. Митя должен был описать всё это, а Серёжа сделать рисунки.

Мальчики взяли лыжи, заплечный мешок, положили в него тетрадку, альбом для рисования, карандаши и тронулись в путь.

Лес начинался прямо за городом.

В эту зиму ребята шли туда первый раз. В лесу им были знакомы каждая тропочка, каждая полянка. Но теперь всё было укрыто снегом и имело совсем другой, необычный вид. Лес стоял неподвижный, притихший. А над ним низко висело мглистое, лиловатое к горизонту небо.

— Гляди, сколько шишек под осиной валяется, — остановился Серёжа. — Значит, на этой осине кузница дятла. Здесь он шишки долбит. Дай-ка я зарисую.

— Не стоит время терять. Кузницу дятла и так все видели, — возразил Митя. — Поищем-ка лучше чего-нибудь поинтереснее.

— Хорошо, — согласился Серёжа.

Чем дальше приятели уходили от опушки, тем больше им попадалось разных лесных находок.

Вот на молодой берёзке, между сучками, будто засохшие листья, темнеют сухие грибы. Это белка засунула их сюда ещё летом, да и забыла о своих запасах. Но придёт время, наткнётся случайно на них та же или какая-нибудь другая белка и с удовольствием полакомится сушёным грибком.

А вон на краю поляны, где из-под снега торчат кустики брусники, весь снег истоптан, будто гуляли куры.

— Это тетерева здесь были, ягоды собирали, — сказал Митя.

Серёже хотелось зарисовать кустики брусники и тетеревиные следы возле них, но Митя уверял, что это ещё успеется. Ему не терпелось забраться как можно глубже в лес и найти что-нибудь редкое.

Скоро мальчики зашли в молодой осинник.

— Кто же это кору с деревьев обглодал? — спросил Митя и стал рассматривать большие глубокие следы под деревьями. — Неужели здесь были коровы?

— Не коровы, а лоси, — догадался Серёжа.

— Правда, лоси, — обрадованно подтвердил Митя. — Вот бы кого посмотреть!

— Да разве их увидишь? — вздохнул Серёжа. — Они чуткие, наверное давно отсюда удрали.

Мальчики долго рассматривали погрызы лосей на деревьях, потом тихо пошли по лесу в тайной надежде увидеть и самих осторожных лесных обитателей.

Но лосей нигде не было видно. Наконец, достаточно приустав, ребята остановились.

— А ведь здесь мы с тобою были, — сказал Митя, осматривая полянку. —

Помнишь, ещё тетеревиное гнездо летом нашли?

— Помню, под тем кустом.

Мальчики подошли к можжевёловому кусту. На снегу возле него тоже виднелись чьи-то следы. Они шли не сплошной цепочкой, а с перерывами. Видно, зверёк бежал скачками.

— Не хорёк ли это бежал? — промолвил Серёжа.

Приятели пошли по незнакомому следу. Он вёл через вырубку, потом запетлял по лесу среди деревьев и вдруг совсем исчез.

— Куда же он пропал? — удивился Митя.

— Здесь он! — крикнул отошедший в сторону Серёжа.

След начинался под деревом.

— Нет, это не хорёк, — сказал Митя: — хорёк по деревьям не лазает, а этот вон сколько верхом прошёл. Давай-ка последим, может и увидим, что за зверь.

И ребята, стараясь итти как можно тише, направились дальше.

Судя по следу, зверёк охотился. Он тщательно обследовал старые пни и кучи хвороста. А в одном месте сделал несколько больших скачков и поймал мышь. На следу виднелась кровь.

— Только что перед нами здесь был, — шопотом сказал Серёжа.

Вдруг Митя толкнул приятеля рукой.

— Смотри, смотри... — зашептал он.

Мальчики затаились, прижавшись к старой сосне.

Впереди между редкими стволами деревьев бежал какой-то тёмный зверёк поменьше кошки. Добравшись до ёлки, он ловко вскочил на дерево и, цепляясь за кору, быстро побежал вверх.

На минуту он исчез в густых ветвях. Но в следующий миг мальчики увидели, как оттуда стрелой выскочила белка и понеслась по веткам. За нею гнался тот же зверёк. Оба пронеслись над головами ребят, осыпая их снегом, и скрылись в вершине соседней ели. Послышался короткий писк, потом всё смолкло.

— Поймал, — шепнул Митя.

Серёжа приложил палец к губам: молчи, мол.

Спустя несколько минут на верхушке ели опять показался тот же зверёк. Он спрыгнул с дерева в снег и не спеша, мелкими скачками направился дальше в лес. Ребята следили за ним издали.

Пробежав немного, зверёк забрался на ствол сухого дерева и спрятался.

Мальчики долго ждали, не покажется ли он. Но зверёк не появлялся. Тогда ребята, крадучись, подобрались к тому месту, куда он скрылся.

Метрах в двух от земли в стволе темнело дупло.

— Тут...—едва слышно сказал Серёжа.

Митя осторожно снял с себя заплечный мешок, развязал его и стал подкрадываться к дереву. Ближе, ближе, — вот уже можно достать рукой. Но от волнения руки совсем не слушались.

Собравшись с духом, Митя одним прыжком кинулся вперёд и прикрыл отверстие дупла. В тот же миг он почувствовал, как что-то с силой ударилось в мешок и бешено завертелось в нём.

— Попался! Помогай!—закричал Митя.

Ребята крепко завязали шнурки мешка.

— Теперь скорей в школу, там клетка есть, — взволнованно сказал Серёжа, — а то как бы зверь мешка не прогрыз!

Мальчики поспешили в город.

Учитель Андрей Иванович был в живом уголке. Он очень удивился, когда Серёжа с Митей, запыхавшись, вбежали к нему, но, узнав, в чём дело, сразу заторопился.

Он открыл большую железную клетку, затем развязал шнурки мешка и приложил его к дверце. В ту же секунду из мешка выскочил пушистый коричневатый зверёк и заметался по клетке.

— Как же вы её поймали? — изумился учитель.

— А кто это? — спросил Серёжа.

— Неужели не узнаёте? Это куница.

— Куница! — радостно воскликнули ребята и принялись рассказывать, как они поймали зверька.

Во время рассказа Митя потянул к себе раскрытый мешок, чтобы показать, как он ловил куницу. И вдруг из мешка упали на пол растрёпанная тетрадка, альбом и карандаши.

Ребята переглянулись.

— Андрей Иванович, — растерянно сказал Серёжа, — куницу-то мы поймали, а вот задание не выполнили...

— Какое задание? — сразу не понял учитель.

— Да ведь нам поручили собрать материал и написать для стенной газеты статью «В зимнем лесу». Мите поручили писать, а мне — рисовать.

— А мы прогуляли и ничего не сделали... — грустно добавил Митя.

Учитель поглядел на смущённые лица ребят и улыбнулся.

— Как же ничего не сделали? А это что? — и он кивнул в сторону клетки. — Митя напишет о том, как живёт зимою в лесу куница, за кем охотится, где прячется и отдыхает. А ты, Серёжа, нарисуешь всё это, как видел собственными глазами. Отличная статья получится.

---

* * *

На ветру
На первом холоде
Старый дуб
Роняет жолуди.

А в саду,
За нашей школою,
Иней сел
На ветви голые.

Под берёзами
Широкими
Галки
Ссорятся с сороками.

Пруд застыл,
И речка скована,
Но по льду
Ходить рискованно.

Лишь охотники
С двустволками
Ходят-бродят
Между ёлками.

Да собака
Лопоухая
Пробегает,
Землю нюхая...

Наступай, зима,
С морозами!
Падай, снег,
На зелень озими!

Мы в поля
И горы ближние
Проторим
Дороги лыжные.

Навестим
Дубки и ясени, —
Ведь они
Всю степь украсили.

И куда бы
Мы ни ехали,
Нам деревья
Служат вехами!

Сергей СМИРНОВ

С. МАРШАК

Рис. Ю. КОРОВИНА

МАСТЕР-ЛОМАСТЕР

Я учиться не хочу.
Сам любого научу.
Я — известный мастер
По столярной части!

У меня охоты нет
До поделки
Мелкой.
Вот я сделаю буфет!
Это не безделка.

Смастерю я вам буфет —
Простоит он сотню лет.

Вытешу из ёлки
Новенькие полки.

Наверху у вас — сервиз,
Чайная посуда.
А под ней — просторный низ
Для большого блюда.

Полки средних этажей
Будут для бутылок.
Будет ящик для ножей,
Пилок, ложек, вилок.

У меня, как в мастерской,
Всё, что нужно, под рукой:
Плоскогубцы и пила,
И топор, и два сверла,

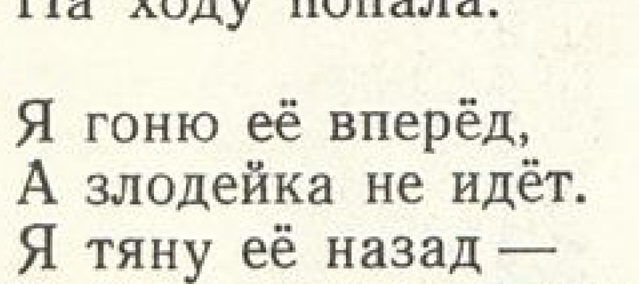
Молоток,
Рубанок,
Долото,
Фуганок.

Есть и доски у меня.
И даю вам слово,

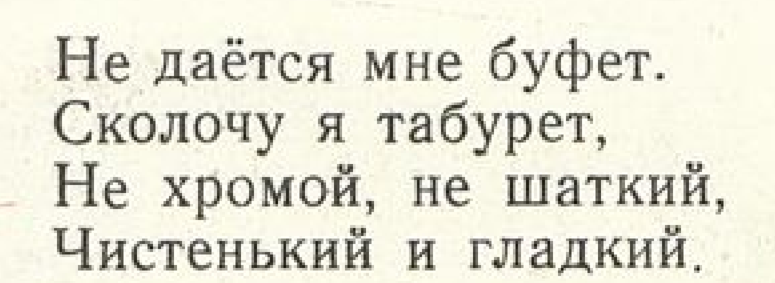
Что до завтрашнего дня
Будет всё готово!

Завизжала
Пила,
Зажужжала,
Как пчела.

Пропилила полдоски,
Треснула и стала,
Будто в крепкие тиски
На ходу попала.

Я гоню её вперёд,
А злодейка не идёт.
Я тяну её назад —
Зубья в дереве трещат...

Не даётся мне буфет.
Сколочу я табурет,
Не хромой, не шаткий,
Чистенький и гладкий.

Вот и стал я столяром,
Заработал топором.
Я по этой части
Знаменитый мастер!

Раз, два —
По полену.
Три, четыре —
По колену.

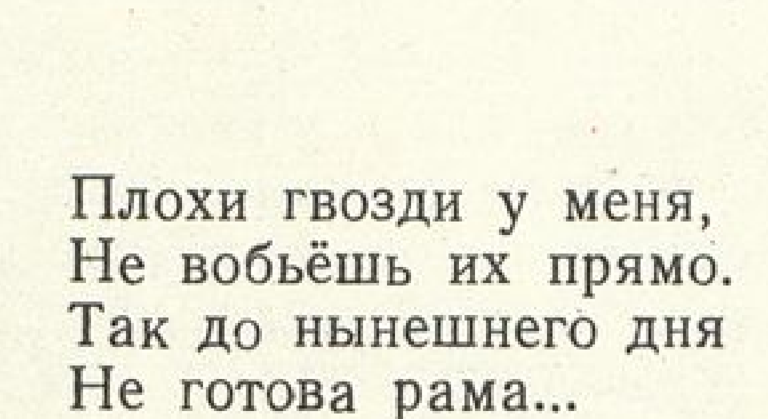
По полену,
По колену,
А потом
Врубился в стену.

Топорище — пополам,
А на лбу остался шрам.

Обойдусь без табурета.
Лучше — рама для портрета.

Есть у дедушки портрет
Бабушкиной мамы.

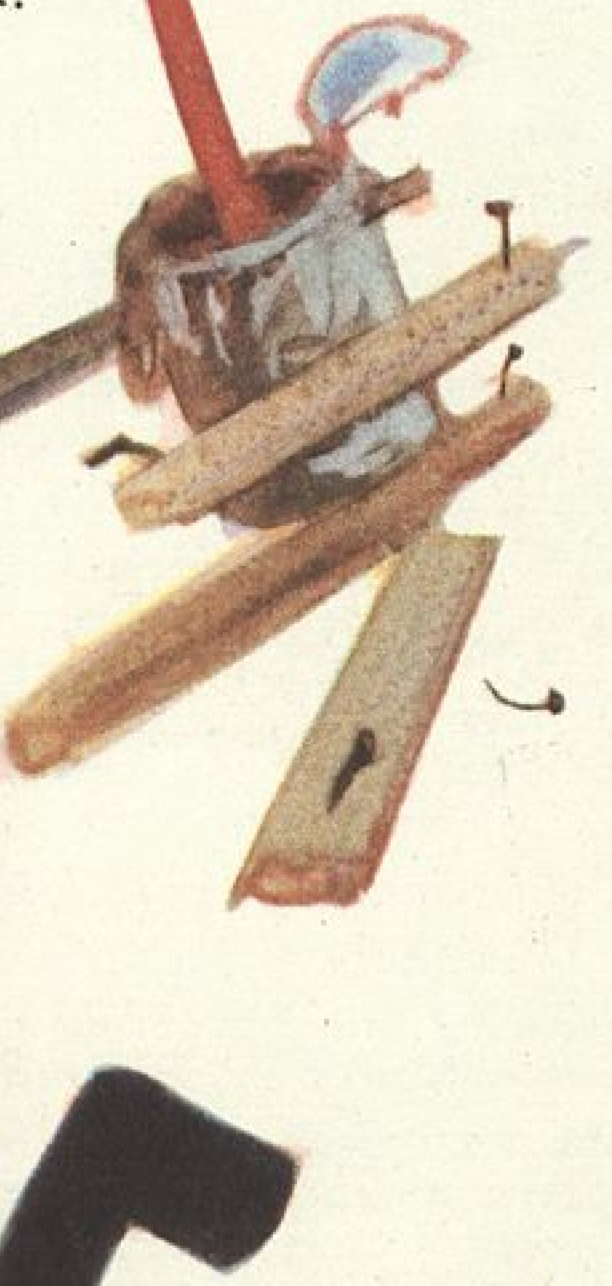
Только в доме нашем нет
Подходящей рамы.

Взял я несколько гвоздей
И четыре планки.
Да на кухне старый клей
Оказался в банке.

Будет рама у меня
С яркой позолотой.
Заглядится вся родня
На мою работу.

Только клей столярный плох:
От жары он пересох.
Обойдусь без клея.
Планку к планке я прибью,
Чтобы рамочку мою
Сделать попрочнее.

Как ударю молотком!
Гвоздь свернулся червяком.
Забивать я стал другой,
Да согнулся он дугой.
Третий гвоздь заколотил —
Шляпку набок своротил.

Плохи гвозди у меня,
Не вобьёшь их прямо.
Так до нынешнего дня
Не готова рама...

Унывать я не люблю.
Из своих дощечек
Я лучинок наколю
На зиму для печек.

Щепочки колючие,
Тонкие, горючие

Затрещат, как на пожаре,
В нашем старом самоваре.
То-то весело горят!
А ребята говорят:

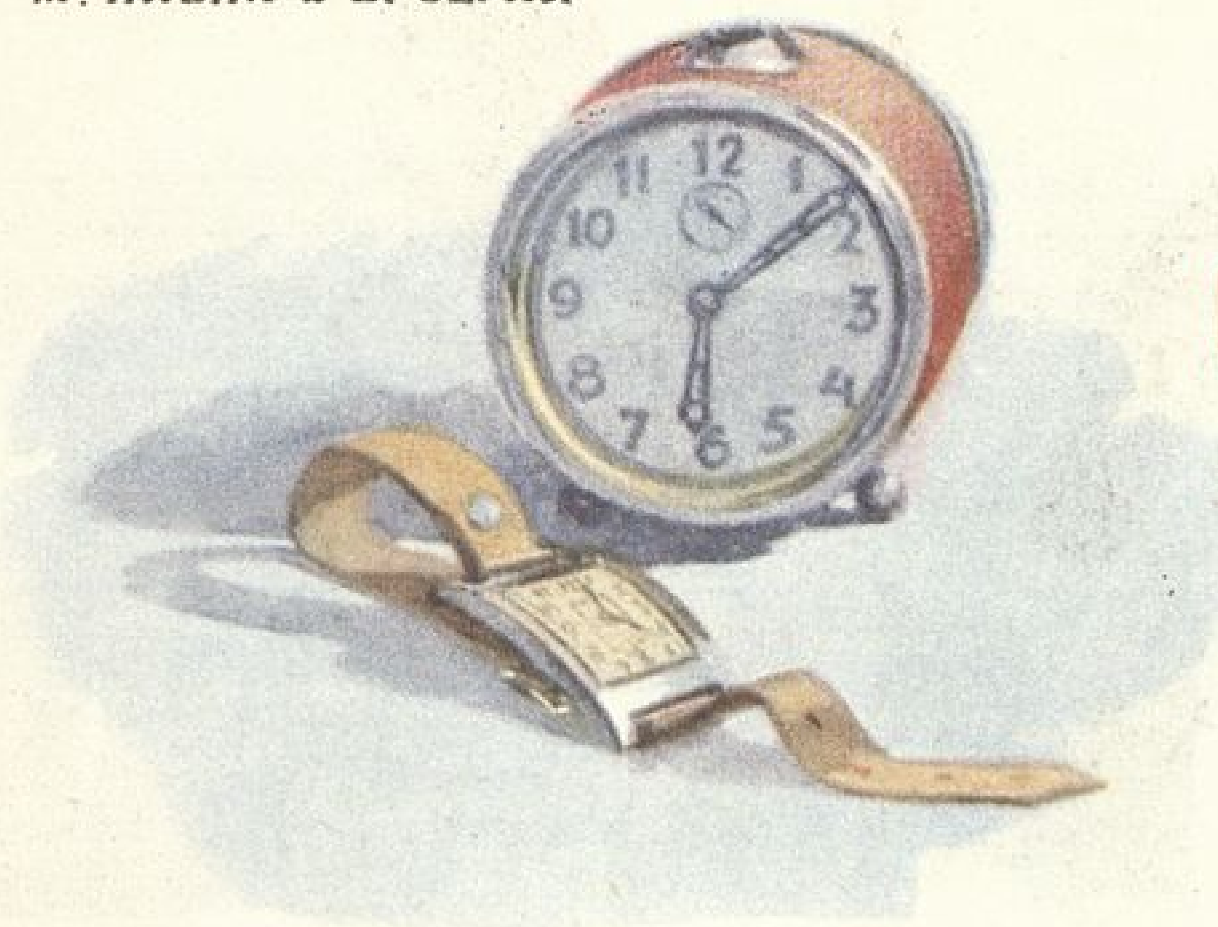
— Иди,
Столяр,
Разводи
Самовар.

Ты у нас не мастер,
Ты у нас ломастер!

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ

Рис. К. КАЩЕЕВА

ЧАСЫ

У часов, как и у всех вещей, своя история, и даже не одна, а две.

Как до часов додумались, какие они были в старину, как они делались всё лучше и лучше — это первая история, длинная.

А вторая — покороче. Это история того, как вот эти именно часы, которые живут на руке или в кармане, родились и начали свою жизнь на часовом заводе.

Первая история началась очень давно, много веков тому назад. В старину, когда часов ещё не было, люди мерили время не по часам, а по солнцу.

Встало солнышко — пора и людям вставать да за работу браться. Поднялось оно, прошло полдороги по небу — надо людям отдохнуть и пообедать. А спряталось солнышко за леса, за горы, за синее море — пришло время и людям по домам да на покой.

Но, конечно, по солнцу трудно точно узнать, который час. На глазок ведь не поймёшь, какую часть своей дороги уже прошло солнце.

Чтобы делу помочь, люди придумали солнечные часы. В таких часах уже есть стрелка. Да только стрелка эта особенная. Её в руки не возьмёшь. Когда солнце прячется за тучи, пропадает и стрелка, потому что это не настоящая стрелка, а всего только тень. Посреди циферблата — круга с цифрами — торчит колышек. От колышка ложится тень. Тень словно стрелка. Солнце идёт по небу, и тень тоже идёт по кругу — от цифры к цифре.

В ясную погоду такие часы хорошо работают. Но что же это за часы, которые работают только в хорошую погоду?!

Стали люди голову ломать, как бы придумать часы получше, чтобы они одинаково точно показывали время и днём и ночью, и зимой и летом, и в дождь и в ясную погоду.

То, что они придумали, можно и сейчас увидеть в санаториях и больницах, где принимают лечебные ванны. У этих часов нет ни стрелок, ни кружка с цифрами, ни зубчатых колёсиков внутри. Сделаны они не из металла, а из стекла. Два стеклянных пузырька соединены вместе в виде восьмёрки. Внутри — песок. Когда часы работают, песок из верхнего пузырька сыплется в нижний. Высыпался песок — значит, прошло десять минут, пора из ванны выходить.

Были когда-то и другие часы — не песочные, а водяные. Вода понемногу вытекала из дырочки, и люди смотрели, до какой чёрточки она дошла. А около чёрточек были написаны цифры.

Возни с такими часами было много: воду надо было доливать да переливать. А толку от них было мало: время они показывали неточно.

И вот, наконец, появились настоящие часы — со стрелками, с гирями, с зубчатыми колёсами. Гиря опускается и заставляет вертеться зубчатые колёса, а зубчатые колёса приводят в ход стрелки.

Первые такие часы были сооружены у нас в Москве пять с половиной веков тому назад часовым мастером, которого звали Лазарем.

После этих часов появились в Москве и другие. Интересные часы были установлены на Спасской башне в Кремле. Обыкновенно в часах вращается стрелка,

а циферблат неподвижен. А тут наоборот: стрелка стояла на месте, а циферблат вертелся. Да и стрелка была особенная — в виде маленького солнца. Когда циферблат вертелся, одна за другой проходили цифры под солнцем — стрелкой.

Сначала делали только очень большие часы. Их нельзя было положить в карман и взять с собой. Для них строили особые часовые башни.

Немало времени прошло, пока часовщикам удалось придумать маленькие карманные часы, с пружиной вместо гири. На первых порах в часах не было стекла и была только одна стрелка — часовая. Её младшие сёстры — минутная и секундная стрелки — появились позже.

Было время, когда часы делали вручную в маленьких мастерских. Возни с часами было много, и поэтому стоили они дорого. А теперь их делают на больших заводах не вручную, а на станках, приводимых в ход электричеством.

Если бы вы побывали на одном из наших часовых заводов, вы увидели бы, как быстро полосы металла превращаются в часы.

Длинными рядами стоят в просторном светлом зале станки. Здесь делают крышки, циферблаты и металлические кружки — «платины», на которых, как на фундаменте, укрепляются различные части часового механизма.

Полосу металла режут на куски. Эти куски путешествуют от станка к станку, а по дороге их обтачивают, шлифуют, сверлят в них разной величины дырочки.

А тем временем в соседнем цехе делают из металла зубчатые колёсики, оси, стрелки, круглые стальные коробочки — барабаны для пружин.

Людей тут немного. Они только управляют работой машин, а машины сами делают то, что нужно.

На одном станке обтачиваются барабаны для пружин. К станку прикреплена деталь, напоминающая воронку. В неё рабочий насыпает круглые кусочки металла — заготовки. Воронка прозрачная, сквозь неё видно, как заготовки опускают-

ся и сами идут в станок. А там за них берутся один за другим три острых резца. И когда кусочек металла выходит из станка, он уже совсем не тот, что был: он превратился в гладко обточенный барабан.

На другом станке делают такие крошечные вещи, что их приходится брать не пальцами, а щипчиками, и рассматривать не простым глазом, а в увеличительное стекло — в лупу.

Но лупа увеличивает не так сильно. Чтобы проверить, правильно ли сделаны зубчики какого-нибудь крошечного колёсика, его кладут на столик прибора, увеличивающего в сто раз. На высоком стуле перед прибором сидит работница. Перед ней покатая доска, вроде парты, с матовым стеклом посредине. Работница задёргивает занавеску, чтобы не мешал дневной свет, и включает яркую электрическую лампу прибора. Свет лампы падает на колёсико, проходит сквозь ряд увеличительных стёкол, отражается от зеркал и попадает на матовое стекло. Перед работницей появляется увеличенное в сто раз изображение колёсика.

Тут можно заметить каждую невидимую простым глазом зазубрину. Работница накладывает сверху прозрачную бумагу с чертежом и смотрит, правильно ли по чертежу сделано колёсико.

Но вот все части часов готовы. Теперь надо, чтобы они собрались вместе.

В огромном зале сборочного цеха стоят рядами длинные предлинные столы. Вдоль столов сидят работницы в белых халатах, с лупами на лбу, с щипчиками в руках.

Вдоль каждого стола бежит широкая лента — конвейер — и несёт от одной работницы к другой деревянные коробочки. В коробочках часы, или, вернее, то, что будет часами. Каждая работница к ним что-нибудь добавляет. Одна колёсико вставит, другая — барабан с пружиной, третья — циферблат, четвёртая — стрелки.

Первая работница начинает с того, что берёт в руки платину — металлический кружок с дырочками. А у последней из рук выходят уже готовые часы. Их ход надо проверить. Для этого есть особый прибор, похожий с виду на радиоприёмник, вынутый из ящика. Часы вставляют в прибор и так и этак — головкой вверх, головкой вниз... Они тикают, а прибор записывает карандашом на ленте то, что они говорят. Запись показывает, правильно ли идут часы.

Так они держат экзамен, перед тем как начать свою трудовую жизнь. Но это не последний, не выпускной экзамен.

Прибор-экзаминатор может и сам наврать, если он почему-либо испортился. Значит, и его работу тоже надо проверять. Это делает старый, опытный мастер, внимательно просматривающий все часы в первые же дни их жизни.

Но и это ещё не выпускной экзамен. Целый месяц часы остаются на заводе. Их каждый день заводят и следят за ними, чтобы узнать, какой у них характер, не слишком ли торопливый или медлительный.

Так часы проходят долгий путь из одного станка в другой, из рук в руки, пока не попадают на руку или в карман своего хозяина.

Рис. Н. ГОХБЕРГ

ПОД НОВЫЙ ГОД.

Я. ТАЙЦ *Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА*

ЗОЛОТЫЕ СТРЕЛКИ

1

Люся живёт в Москве. Она ещё маленькая и спит в кроватке с сеткой. А над кроваткой висит календарь, и папа каждый день отрывает от него по листочку. И вот один раз Люся сказала:

— Папа, что ж ты весь календарь оборвал? Смотри, всего один листочек остался.

— Не беда, — сказал папа, — скоро Новый год!

— Новый? — удивилась Люся. — Куда же старый денется?

— Никуда не денется. Уйдёт — и всё!

Люсе захотелось посмотреть, как уходит старый год. Она кинулась к окну. Но окно было затянуто ледяными узорами. Тогда Люся выпятила губы, приставила к ним ладони ковшиком и давай дышать. И вот узоры расступились, и Люся увидела кремлёвские стены, башни и на самой высокой башне часы с золотыми стрелками.

— Я знаю, это самые главные часы. Да, папа? — сказала Люся.

— Конечно! — согласился папа.

А Люся продолжала:

— По ним все люди на земле время узнают. Да, папа?

— Конечно, — повторил папа.

А Люся спросила:

— Когда же Новый год придёт?

— А вот как золотые стрелки сойдутся! — ответил папа.

Люся долго ждала, но стрелки всё не сходились. Тем временем окно снова затянулось узорами.

— Папа, кто это выводит узоры на стекле?

— Это дедушка Мороз!

— Какой дедушка Мороз?

— Разве ты не знаешь? — сказал папа. — Далеко-далеко в лесу, в ледяном дворце, живёт дедушка Мороз... В шубе, с бородой, с палкой...

— С палкой? — переспросила Люся. — Значит, он злой, да?

— Что ты! — засмеялся папа. — Он очень добрый. Он каждый год приходит к ребятам с подарками...

— А ко мне он придёт? — спросила Люся.

— Придёт, если будешь себя хорошо вести.

— А я буду хорошо! — обещала Люся. Ей очень хотелось увидеть деда Мороза, который живёт где-то далеко-далеко в лесу, в холодном ледяном дворце...

2

И вот Люся стала себя очень хорошо вести. Всё ела, слушалась, чистила зубы. И что же? Однажды, когда папы не было дома, открылась дверь и в комнату вошёл... дед Мороз!

Люся его сразу узнала. Он был в белой шубе, с бородой, с палкой — всё, как папа говорил. В руках он держал зелёную ёлочку. Он пристукнул палкой и сказал глухим голосом:

— Здравствуй, девочка Люся! Ты хорошо себя вела, я принёс тебе в подарок лучшую ёлочку из моего леса.

Дед Мороз нагнулся, чтобы поставить ёлочку, но тут полы его длинной шубы разошлись, и маленькая Люся снизу увидела папин тёмносиний костюм в полоску и папины жёлтые туфли со шнурками.

Она запрыгала, закричала:

— Это вовсе не дед Мороз! А это вовсе папа! Это вовсе папа!

— Ишь, какая глазастая, — усмехнулся папа: — узнала всё-таки!

— Я не тебя, я твои ботинки узнала! — смеялась Люся.

Она была рада, что это папа, но всё-таки ей хотелось увидеть настоящего деда Мороза, который живёт в ледяном дворце.

И вот на другой день папа повёл её на праздник в большой светлый зал с колоннами. Там медленно вертелась огромная — вся в лампочках — ёлка. Под ней стоял дед Мороз и творил чудеса: топнет ногой — прибежит Серый волк, махнёт варежкой — прилетит Жар-птица...

Люся обрадовалась и побежала вокруг ёлки. Она долго там веселилась. Когда вышли на улицу, уже стояла ночь. Но кругом было светлым-светло. На площади, прямо под открытым небом, стояла ёлка, на неё падал снег, а под ней стоял дед Мороз и шутками веселил народ...

Вся Москва была в огнях, везде были ёлки, и у каждой ёлки свой весёлый, забавный дедушка Мороз...

3

Когда пришли домой, Люся спросила:

— Папа, который же из них настоящий?

— Они все настоящие! — отозвался папа.

— Нет, ну вот который в лесу живёт, в ледяном дворце, помнишь, ты рассказывал?

— В лесу? — удивился папа. — Что ты, Люся, ведь это же просто сказка!

— Сказка?.. — протянула Люся.

— Ну да! Только ты, дочка, не расстраивайся, в жизни ведь даже лучше, чем в сказке. Видишь, сколько кругом радости, сколько ёлок, сколько дедов Морозов!

— Правда, лучше! — сказала Люся. — В сказке один дед Мороз, а в жизни — вон сколько много!

Она легла на свою кроватку с сеткой и спокойно заснула.

А над её головой, за ледяными узорами деда Мороза, медленно двигались золотые стрелки, те самые, по которым все люди на земле узнают верное время...

На обложке рисунок А. Ермолаева—„В Музее В. И. Ленина“

Художественный редактор П. Попов *Рукописи не возвращаются* *Технич. редактор Г. Шебалина*

Год издания двадцать восьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. А09166 Подписано к печати 8/XII 1951 г.
2 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 2400

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

